

У.Я.ПОЛУЭКТОВИЧ

ТАЙНА СОБАЧЬЕЙ ШЕРСТИ

(перевод с английского с пометами редактора)

Мне часто случается начинать повествования о преступлениях, раскрытых моим знаменитым другом Шерлоком Холмсом, с упоминания о том, что дело, о коем пойдет речь, оказалось самым необычным и запутанным в его практике. Это понятно: ради дел заурядных, вроде отравления ручного скунса виконта Эверли, я не стал бы и братья за перо [*«брать в руки перо»*]. Однако всякое необычное дело необычно по-своему. Происшествие, о котором я намереваюсь рассказать в этот раз, примечательно тем, что знаменитый сыщик раскрыл его подоплеку, не прибегая к своему знаменитому дедуктивному методу.

Как, должно быть, помнят читатели, по завершении дела о гипертонике-невидимке Холмс ненадолго лишился возможности играть на скрипке: разоблаченная преступница с досады едва не откусила ему безымянный палец. Поэтому теперь мы коротали вечера [*Вечера не юбки. Их не коротают, а проводят*] за рюмкой бренди и воспоминаниями о былых победах.

Это спокойное времяпрепровождение прервано было [*«было прервано»*] появлением миссис Хадсон, объявившей, что мистера Холмса желает видеть некая весьма встревоженная особа.

– Очень кстати, – заметил Холмс. – Я признаюсь, не большой любитель предаваться воспоминаниям [*«заниматься воспоминаниями»*], когда есть возможность приняться за работу, которая воспоминания пополняет.

В комнату вошла старушка в буром бомбазиновом бурнусе. Широко поставленные глаза [*Кто же ей глаза поставлял? «Расставленные»!*] и правда смотрели тревожно, из-под муслинового чепчика выбилась седая прядь.

– Который из вас, джентльмены, в сыщиках-то служит? [*«служит сыщиком»*], – спросила она, поглядывая то на Холмса то на меня.

Холмс, кажется, заметил, как покорило меня слово «служит», и, предупреждая мой ответ [*О чем предупреждая?*], произнес:

– Если вы имеете в виду служение делу правосудия, можете обращаться к нам обоим. Но сыск – это больше по моей части.

– Да-да, мне по части сыска, – закивала старушка. – Оно вернее будет. [*«Оно»? С каких это пор «сыск» у нас среднего рода?»*]

Из последовавшего рассказа, торопливого и сумбурного, выяснилось, что старушку зовут миссис Брум, что она домовладелица из Южного Брикстона¹, что потревожить мистера Холмса она решила вот по какой причине. Дней этак пять назад [*Давайте без «этак». Типа, не на базаре*] ее жилец, некий мистер Плизинг, банковский клерк, получил письмо, сильно его обеспокоившее. По крайней мере, наведавшись после этого к миссис Брум, дабы передать ей квартирную плату за месяц, он явно пребывал в смятении: принял шесть пенсов за шесть шиллингов [*Никто не знает, сколько это, переведите хотя бы в доллары или евро*], в глаза не смотрел, чуть не наступил на любимую хозяйкину кошку Дидону и, уходя, сообщил, что, возможно, скоро съедет с квартиры.

¹ Южный Брикстон – район Лондона (здесь и далее прим. переводч.)

Все это было тем более странно, что до получения письма ни миссис Брум, ни ее квартира, ни Дидона не могли пожаловаться на недостаточное уважение со стороны мистера Плизинга. Миссис Брум уверяла, что уж в отношении к ней-то жилец точно оправдывал свою фамилию².

Жилец ушел и вернулся далеко за полночь, чего с ним прежде также не случалось.

На другое утро, столкнувшись с мистером Плизингом на лестнице, хозяйка заметила, что выглядит он прескверно, и спросила, в добром ли он здравии. На это мистер Плизинг, скользя по ней мутным взором, пробормотал: «Собачья шерсть, собачья шерсть...» – и выбежал на улицу. Два дня домой он не возвращался. На третий день миссис Брум решила было обратиться в полицию, но забота о репутации принадлежащего ей дома навела на мысль, что желательнее обойтись без огласки, а когда так, недурно бы навеститься к мистеру Шерлоку Холмсу, о проницательности которого рассказывают чудеса.

– Куда же девалось это злосчастное письмо? – спросил Холмс.

Миссис Брум достала из ридикюля узкий конверт палевого цвета и протянула [*«его»*] Холмсу.

– Вообще-то я в жильцовские дела [*«дела жильцов»*] нос не сую. Но тут сами видите, какая история. Как узнала, что мистер Плизинг не ночует дома, так открыла его квартиру своим ключом. Глядь – а письмо-то это самое на столе. [*Опять инверсии-перверсии всякие! Неужели нельзя просто: «Это письмо лежит на столе?»*]

– Вы его не прочли?

– Помилуйте, чтобы я в жильцовские дела [*«дела жильцов»*] лезла? Такого про меня никто не скажет – даже мистер Кавердейл. А уж он...

Пока домовладелица излагала свои сомнения насчет добропорядочности мистера Кавердейла, Холмс прочел письмо и молча передал [*«его»*] мне.

Письмо было написано изящным женским почерком. Писавшая извещала мистера Плизинга, что после долгих и мучительных колебаний поняла: хотя место, на которое он претендует, и не занято, она не может дать ему положительный ответ, ибо, как уверяют их общие знакомые, мистер Плизинг пользуется дурной славой. Постскриптум [*«PS» или «ЗЫ»*] гласил: «Дайте собаке скверную кличку и удавите. Я все понимаю, но проявите и Вы толику понимания». [*Какому еще Толику? Это же Англия!*]

– Судя по вашему рассказу, – произнес Холмс, – с кошками мистер Плизинг жил в ладу. [*Жил с кошками? Извращенец? Выразитесь по-человечески: «был толерантен»*] А как он относился к собакам?

– Точно не скажу. Не следила – недосуг. [*Опечатка, наверно? «Не до сук»? Грубо. Лучше «Не до собак»*]. Соседского терьера, знаю, не обижал. Кости носил.

Холмс задал еще несколько вполне ожидаемых вопросов касательно возраста и наружности пропавшего, его привычек, круга знакомств, финансового достатка [*«материального положения»*]. Всякий ответ квартирной хозяйки сопровождался комплиментами в адрес мистера Плизинга, с ее слов человека исключительного такта, скромности и чистоплотности: ни разу, заглянув в комнату в его отсутствие, она не обнаружила на мебели хотя бы пылинки; что до половиц, те были всегда натерты до блеска. Разве что в самый первый день, день приезда, квартирант произвел на миссис Брум весьма

² В оригинале игра слов: Плизинг (pleasing) – в переводе с английского «любезный».

дурное впечатление: выглядел устало, говорил резко и отчего-то невзлюбил превосходный ост-индийский ковер, оставшийся от прежнего жильца – коммивояжера по фамилии Бринсли; Плизинг окликнул уличных мальчишек, сунул им полсоверена, и те, пожимая плечами, стащили ковер вниз по лестнице и оставили на пороге хозяйской комнаты.

Я тем временем уже обдумывал собранные сведения – хотя Холмс не раз выговаривал мне за опрометчивость [*«Выговаривать кому-то за что-то» – не по-русски. Подучите грамматику!*], я ничего не мог поделать с потоком невероятных догадок и предположений, которые теперь роились в моем закосневшем в праздности уме. Я решительно встал и двинулся к комоду, но одна реплика моего друга заставила меня застыть от удивления.

– Уотсон! Если вам так срочно понадобилось письмо сэра Генри, то оно в нижнем ящике.

Избавлю читателей от многословных описаний выражения на моем вытянувшемся лице, ведь минуты моего позора уже давно должны были стать для них чем-то вроде утреннего чая с вареньем [*У автора «мармелад на тосте»! Это же сквозной метафорический концепт!*], а для меня, с тех пор как я веду эти записи и вынужден каждый раз подбирать яркие эпитеты, обернулись еще и муками творчества [*«писательским блоком»*]. Надо отдать должное моему другу, на сей раз мое унижение длилось недолго.

– Дорогой Уотсон, – Холмс строго взглянул на меня, – я вижу, вам до сих пор не дает покоя жутковатая история дома Баскервилей, и, хотя тот случай не имеет к нашей нынешней собаке ни малейшего отношения, вами движет инстинкт, который я бы назвал интерференцией. Увы, он непременно поведет вас по ложному следу. Мне не терпится услышать от вас другие соображения.

– Могу предположить, – начал я, вертя в руках письмо, – что в этой истории замешан третий, скажем, нынешний ухажер дамы, ревнивец. Миссис Брум, не припомните, не навещал ли кто в последнее время вашего квартиранта?

Хозяйка поклялась, что никого не видела и что сам мистер Плизинг за пять лет не имел обыкновения отлучаться из дома никуда, кроме службы.

– Но ведь что-то вынудило мистера Плизинга прервать затворничество, – продолжал я, чувствуя прилив сил, – возможно, его внезапный ночной уход и исчезновение связаны с тем, что кто-то настойчиво искал с ним встречи. Даму, написавшую письмо, я исключаю.

– Тут вы, пожалуй, правы, Уотсон, – не без ехидства заметил Холмс, – она не желала его видеть и объявила об этом, не обинуясь. [*«Обиняться»? Опять «макроступы» какие-нибудь?»*] Впрочем, неясность остается в последней строчке.

– А что если под «собакой» как раз и подразумевается тот недостающий третий? – вдруг предположил я. – Очень возможно, что этот человек ей крайне неприятен, иначе бы удостоился более лестного сравнения. Дама устала от его назойливых ухаживаний и намекнула бедному мистеру Плизингу на то, что с этим человеком неплохо бы свести счеты. Собаке – собачья смерть.

– Bravo, Уотсон, вы делаете успехи. Превратить вероятную жертву в вероятного убийцу посредством двух или менее умозаключений – вершина дедукции.

С этими словами Холмс взял у меня листок и, вооружившись лупой, принялся вновь изучать неразборчивую подпись и постскриптум. [*Исправила же!*]

– Исключено, – сказал он наконец. – У человека в приступе ярости начертания букв становятся более резкими, размашистыми, здесь же почерк вполне соответствует общему сдержанному тону. Так что, при всей кажущейся кровожадности заключительной фразы, эта

особа – дама, надо полагать, хорошо воспитанная, – вкладывала в нее иной смысл, нежели вы, дорогой Уотсон. Без сомнения, этот смысл, столь туманный пока для нас, был понятен адресату.

Холмс помолчал, потом перевел взгляд на гостью.

– Миссис Брум, если я не ошибаюсь, ваша любимица Дидона – абиссинской породы?

– Ваша правда, сэр, – отвечала старушка, опешив. – Этот мистер Бринсли – ну, тот, что прежде жил, – еще и котятками торговал. С востока, видать, понавез.

– Превосходно. А теперь, миссис Брум, – при этих словах Холмс заглянул домовладелице прямо в глаза, – забудьте на время о мистере Бринсли и ответьте: собака ваших соседей – бедлингтонский терьер, не так ли?

По тому, как наша гостыя заерзала в кресле, было видно, до какой степени она потрясена.

– Право, сэр, откуда вы...

– Чутье, миссис Брум, чутье, – мой друг добродушно улыбнулся, – бесценный дар, который я бы сегодня с радостью позаимствовал у собаки, если бы ранее не обзавелся им самостоятельно. А сейчас я прошу вас ни о чем не думать и не отчаиваться. Нам с доктором Ватсоном осталось прояснить кое-какие детали.

Едва на лестнице стих шорох юбок [*четыре существительных подряд!*], крихтение и старушечьи вздохи, Холмс отправил к потолку кольцо дыма и заговорил.

– Ватсон, я предвижу все, что вы скажете, поэтому прежде молчите, прошу вас, молчите. Сегодня... сегодня вы с полным правом можете написать в своих заметках: «Никогда еще знаменитый сыщик не был так близок к провалу» – фраза, достойная пера будущего романиста. Вы, конечно же, ошеломлены моей догадкой насчет породы собаки, но, смею вас заверить, что она лежала на поверхности – на поверхности вашего журнального столика, в иностранной книге, под которую вы имели обыкновение засыпать каждый вечер. А ведь там предельно подробно описаны симптомы так называемой аллергии – повышенной чувствительности организма к шерсти животных [*уточните определение по Wikipedia*]. Я, как вы знаете, регулярно просматриваю «Таймс» и читал об одном случае в Южном Брикстоне. Там живет англичанин, который, как уверяют репортеры, страдает острейшей формой этого недуга, вызывающей приступы удушья. Имя, как и следовало ожидать, газетчики утаили, но... вам, Ватсон, конечно же, ничего не сказала брикстонская грязь на подоле нашей гостыи, я же, лишь однажды взглянув на него, понял, что герой статьи и наш бедняга клерк – одно и то же лицо. Две детали – чистота в комнате и выброшенный в первый же день роскошный ковер – окончательно меня убедили. Из всех домашних питомцев Плизинг подпускает к себе лишь короткошерстных, к коим относятся абиссинские кошки и бедлингтон-терьеры.

Из моей груди едва не вырвался вопль восторга, но Холмс резким движением схватил меня за руку и продолжал:

– Ваша версия насчет ревнивца кажется мне убедительной. Я тоже так думал, с той лишь разницей, что последняя строчка письма – не призыв к убийству, а предупреждение: возможно, что соперник Плизинга, проведав про его слабое место, решил воспользоваться собачей шерстью как оружием. Ему достаточно было подбросить клочок в квартиру, на конторский стол, за воротник плаща. Возможно, когда хозяйка видела Плизинга в последний раз, убийца уже осуществил свой коварный замысел...

Холмс вновь затянулся, но с каким-то странным резким свистом, будто пытался через трубку втянуть весь воздух в комнате, потом встал, пошатываясь, снял со стены скрипку и, преодолевая боль в пальце, вырвал из инструмента пронзительную терцию в третьей октаве.

– Но не выходит, Ватсон, не выходит! – почти кричал он. – Не складывается! При чем здесь «скверная кличка»? При чем здесь «удавить»? Или это метафора для астмы?! Не то, не то...

Как ни печально мне было видеть моего друга в столь дурном [*«таким плохом»*] расположении духа, способа помочь ему я не видел. Редкая болезнь в новом вкусе, загадочные намеки в письме, таинственный недоброжелатель – все это мелькало у меня перед глазами, словно лента [*не пестрая ли?*] синемаатографа [*«кине..!»*]. В довершение прочих неприятностей вновь дала о себе знать полученная в Афганистане рана. Пошевелив кочергою затухающие угольки и допив остатки бренди, я пожелал моему другу доброй ночи и отправился спать.

Посреди ночи меня разбудили пронзительные звуки скрипки, более пронзительные и нестройные [*звуки не девушки ;)* «*какофонические*»], нежели обычно. Должно быть, Холмс играл, преодолевая боль. «Собачья шерсть, собака шерсть, – думал я. – Уж не помутился ли у злосчастного мистера Плизинга рассудок на почве неразделенной любви? Не примерещилась [*уж если стилизовать, то «помстилась»*] ли ему вместо абиссинской кошки достопочтенной миссис Брум собака, и бедняга, спасаясь от мнимой угрозы недуга, бежал с квартиры?» Но тут усталость взяла свое [*что свое?*], и я вновь погрузился в тревожный сон.

Проснувшись поутру и размяв онемевшие за ночь члены [*что это за пошлость?! И почему во множественном числе?*], я спустился к завтраку. Предупредительная миссис Хадсон уже накрыла [*на*] стол, и против [*«напротив»*] своего места я обнаружил неизменный поджаренный хлеб [*«тост»*], варенье [*см. выше!!!*], яйцо всмятку и тарелку овсянки. Холмс уже позавтракал и, поприветствовав меня, вновь погрузился в «Таймс» [*The Times. Вот не надо этого русопяства, ладно?*]. Вопреки моим ожиданиям, его лицо показалось мне бодрым, а в глазах вспыхивал озорной огонек. Впрочем, затевать разговоры до чая было бы неблагоразумно, и я, решив отложить разгадку столь разительной перемены в настроении моего друга до более удобного случая, лишь кивнул и принялся за трапезу.

Как я и ожидал, после завтрака Холмс первым заговорил о деле.

– Знаете, дорогой Ватсон, – сказал он и выпустил к потолку облако дыма из трубки, – а ведь я нашел объяснение исчезновению мистера Плизинга, и, если верить ходикам миссис Хадсон, он должен быть здесь ровно через двадцать три минуты.

За годы нашего знакомства я привык к поразительным способностям моего гениального друга, но все же не смог сдержать возглас изумления:

– Но, черт возьми! Холмс, как вам [*«Вам»*]. *Не хамите!* это удалось [*«удалось это»*]?!

– Элементарно, мой дорогой друг! Вчера вечером, да и сегодня вы [*«Вы»*] не замечали эти глупые комментарии в квадратных скобках? О чем, по-вашему [*«Вашему»*], они говорят? Проверьте-ка свои дедуктивные способности.

– Да, я обратил внимание, но не придал им особого значения, – смутился [*«смутившись, сказал»*] я. – Решил, что какой-то сумасшедший опять сбежал из Бетлемской лечебницы...

– И были неправы! – воскликнул знаменитый сыщик. – Самоуверенный тон и дикое невежество писавшего могут указывать только на одно...

Тут Холмс выдержал театральную паузу.

– Мы с вами, мой друг, угодили в перевод, а записи в квадратных скобках принадлежат не кому иному, как редактору!

– Какая низость! – прошептал я и инстинктивно схватился за револьвер. – Но при чем тут Плизинг? Письмо? Собака?

– Видите ли, дорогой доктор, – сказал Холмс и переложил трубку из одного уголка рта в другой, – в нашем старом добром английском языке существует выражение “give a dog a bad name and hang him”. Согласно новейшему лексикону Брюера, оно означает, что оклеветанный человек все равно что преступник, осужденный на повешение. Потеряв доброе имя, человек навсегда погибает для общества.

– Так вот что имела в виду корреспондентка [*Плизинг не РИА «Новости» ;)*] Плизинга! – хлопнул я себя по лбу. – Но собачья шерсть, Холмс?

– Перед нами еще одно идиоматическое выражение, точнее часть его. “The hair of the dog that bit you” – древние верили, что от укуса собаки можно излечиться, если сжечь клочок шерсти этого животного (заблуждение, которое я, кстати, полностью опроверг своими химическими опытами). Сегодня же наши с вами соотечественники этой фразой намекают на то, что от последствий алкогольного отравления можно избавиться при помощи алкоголя. Право, доктор, я полагал, военные врачи должны знать... – и Холмс строил лукавую мину. [*Мины не строят – они не таунхаусы, – а закладывают!*]

– То есть, – начал я, – Плизинг говорил не о собаке, а всего-навсего...

– Ну конечно! – подхватил Холмс. – Собирался опохмелиться. Но горе, причиненное отказом любимой, было для его чувствительной натуры настолько велико, что бедняга беспробудно запил. Сегодня утром я поручил ватаге своих мальчишек-газетчиков обшарить все пивнушки [*«пабы»*] и притоны Южного Брикстона и вручить Плизингу мое послание. Эвертон (весьма смысленный джентльмен десяти лет) успел вернуться на Бейкер-стрит, доложил мне, что поручение в точности исполнено, и получил свои честно заработанные полсоверена... А переводчика нашей с вами истории подвело слабое знание устойчивых выражений и элементарная рассеянность: если вы заметили, он моими устами как только вас не называет – то «Уотсон», то «Ватсон»... впрочем, спишем это недоразумение на счет расхождения алфавитов. Хотя я, признаюсь, и не силен в русской грамматике, могу допустить, что этот малый не отпетый форенизатор и честно заслужил свой хлеб, но вот с редактором ему не повезло: мало того, что негодяй, нахал и невежда пропустил очевидные lapsus calami³, так еще и пытается поучать несчастного и постоянно нас перебивает!

Теперь-то я видел, что все действительно было элементарно, а мои догадки о ревнивце и собаке-призраке были сущей нелепицей. С уст моих невольно сорвался раздосадованный стон.

– Не казнитесь [*«не переживайте»*], мой дорогой друг, – мягко сказал Холмс. – Я ведь тоже вышел на верный след не сразу. Мир современных редакторов перевода настолько жесток и коварен, что порой, для того чтобы наказать негодяя и спасти доброе имя невинной жертвы, требуется предельное напряжение моих умственных способностей [*«компетенций»*], развитых годами применения дедуктивного метода. И если вы не смогли первым разгадать тайну исчезновения незадачливого Плизинга, вы все же можете принести немалую пользу

³ Lapsus calami – языковые ошибки (лат.)... Мистер Холмс! Вы бы полегче: мне с этой женщиной еще работать... (прим. переводч.)

человечеству, написав – с присущим вам талантом и живостью – рассказ об этом поучительном случае.

Что я и сделал.

[*Ну и дурак.*]